

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Как пытались уничтожить рукопись романа, а заодно и самого Василия Гроссмана

ДОКУМЕНТЫ, которые вы прочтете, меня потрясли. И дело не в новизне фактов. О главном — о том, как не печатали Гроссмана, как был арестован его роман (все экземпляры, вплоть до последнего листка копиральной бумаги), — я знал. Но здесь впервые увидел механизм уничтожения, этапы наступления сверхмощной державы на... одно произведение художественной литературы. Подумать только: властелины полумира — Суслев, Семичастный, Андропов и незримые за ними — сначала Сталин, потом Хрущев — воспринимают появление романа с такой тревогой, злобой и даже страхом, как будто бы речь идет о нападении на страну вражеской армии.

И они по-своему правы. Уже опубликованный при жизни роман Василия Гроссмана «За правое дело» испугал власти реалистическими портретами рабочих, крестьян, измученных войной женщин. Для читателей еще не занялся «Один день Ивана Денисовича», когда Гроссман рассказал о советских лагерях смерти, о погибших там крестьянах, о том, что «большевики исповедуют национализм... надо будет, дойдут до чернотенства». Автор романа «За правое дело» видел пороки системы, хотя на систему не покушался. Иное дело — роман «Жизнь и судьба». Здесь Гроссман

первым из русских писателей распознал общность большевизма и гитлеризма. Помните: гитлеровец Лисс говорит узнику немецкого лагеря большевику Мостовскому: «Когда мы смотрим в лицо друг другу, мы смотрим в зеркало». Гроссман первым раскрыл самую суть тоталитарного режима: ложь. Ложь его истории, его экономики, его морали, его дружбы народов. Могло ли это не привести в ужас, в содержание советских правителей?

И еще об одном свидетельствуют архивные документы. Меньше всего, наверное, хотели этого авторы записок и протоколов, но они донесли до нас удивительное мужество, непоколебимость, цельность характера Гроссмана. Обратите внимание: Гроссман «не отрезается» от того, что написал. Я знал об этой беседе в Союзе со слов писателя. Но, разумеется, он не рассказывал о том, что говорил им сам. Я не сомневался в его стойкости. И все же с какой радостью прочел теперь это — «не отрезается».

Гроссман предложил «Жизнь и судьба» журналу «Знамя» летом 1960 года. Наступила осень — от редакции ни ответа, ни привета. Зная обстановку, Е. В. Заболотская и я сказали однажды Гроссману, что было бы хорошо один машинописный экземпляр сохранить

в безопасном месте. Писатель внимательно, долго и хмуро посмотрел на нас и спросил: «Вы опасаетесь чего-то дурного? Что же предлагаете?» — «Дай один экземпляр мне», — ответил я. Так за полгода до ареста романа в моем распоряжении оказались три светло-коричневые папки. Я спрятал их в одном верном мне доме, далеко от литературы.

А в больничной палате, незадолго до смерти, Гроссман сказал: «Очень хочу, чтобы роман был издан — хотя бы за рубежом». Завещание своего друга я выполнил, хотя и не сразу. В 1974 году я обратился к моему соседу Владимиру Войновичу. Зная, что у него есть опыт печатания за рубежом, попросил помочь мне в этом. Войнович охотно согласился. Первая попытка сфотографировать машинопись оказалась неудачной. Но Войнович, как всегда, был настойчив и попытку повторил. Позже я узнал, что ему помогли Е. Г. Боннэр и А. Д. Сахаров.

Роман вырвался из оков — он был напечатан за рубежом. Пройдет еще немало времени, пока он выйдет в журнале в родном Отечестве. Благодаря редактору «Октября» А. А. Аняеву книга Гроссмана стала нашим национальным достоянием.

Семен ЛИПКИН.

В заключение Гроссману было сказано, что содержание разговора будет доложено ЦК КПСС. Дальнейшее его положение как литератора, как гражданина будет целиком зависеть от него самого.

Д. ПОЛИКАРПОВ,

А. ПЕТРОВ,

А. МИХАЙЛОВ.

4 марта 1961 г.

С документом ознакомились и расписались секретари ЦК КПСС Ф. Р. Козлов, Н. А. Мухомин, М. А. Суслев.

Особая папка

Совершенно секретно

26 сентября 1962 г.

ЦК КПСС

Докладываю, что писатель Гроссман В. С. по-прежнему ведет замкнутый образ жизни, нигде не бывает, на квартире у себя принимает крайне ограниченный круг знакомых. Проведенные с ним беседы положительных результатов не дали: Гроссман не изменил своего враждебного отношения к политике КПСС и советского государства и в узком кругу продолжает вести антисоветские разговоры.

Им написано еще одно произведение — антисоветское по своему содержанию.

В связи с тем, что рукопись антисоветского романа «Жизнь и судьба» была изъята у Гроссмана, на этот раз не исключаем с его стороны попыток передать новую рукопись за границу. Это обстоятельство Комитет госбезопасности учитывает, осуществляя наблюдение за Гроссманом.

Копии отрывков из рукописи Гроссмана прилагаются.

Председатель Комитета

госбезопасности

В. СЕМИЧАСТНЫЙ.

К документу приложено указание М. А. Суслева: «Ознакомить секретарей ЦК КПСС, а также Т. Поликарпова». На документе расписались секретари ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев и Ф. Р. Козлов.

Особая папка

ЦК КПСС

Как видно из записки и приложенных к ней материалов, В. Гроссман не только не сделал правильных выводов из проведенных с ним разговоров, но все более ожесточается и отходит на чуждые позиции в оценке советского общества.

Учитывая, что в литературной среде широко известны обстоятельства, связанные с рукописью его предшествующего романа, и существует весьма настороженный интерес к тому, как будут далее развиваться события, Отдел культуры считал бы в этих условиях необходимым провести еще один прямой политический разговор с Гроссманом, а также с наиболее близким ему человеком — писателем С. Липкиным.

Полагаю возможным провести эти беседы в Отделе культуры. Прошу рассмотреть.

Зав. Отделом культуры

ЦК КПСС

Д. ПОЛИКАРПОВ.

25 октября 1962 г. С документом ознакомились и расписались секретари ЦК КПСС М. А. Суслев, А. Н. Шеллин, Б. Н. Пономарев, О. В. Нуусинен. На документе пометы: «Архив II сектора. Вопрос рассмотрен на заседании Секретариата ЦК КПСС 31.X.1962 г. Тов. Семичастному рекомендовано вести работу в том же направлении, что и прежде...»

Секретно

11 мая 1970 г.

ЦК КПСС

По поступившим в Комитет госбезопасности данным, среди писателей и в околотитулярных кругах получила некоторое распространение неопубликованная рукопись умершего в 1964 году писателя В. Гроссмана под названием «Все течет», антисоветского содержания. Копия рукописи прилагается. Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета

госбезопасности

АНДРОПОВ.

Он был им страшен даже мертвый. Публикация подготовил Тамара Домрачева (Центр хранения современной документации). Надежда Надеждина («Труд»).

Секретно

ЦК КПСС

Писатель В. Гроссман представил в журнал «Знамя» рукопись своего сочинения «Жизнь и судьба».

Это сочинение представляет собой сборник злобных измышлений о нашей действительности, грязной клеветы на советский общественный и государственный строй.

В интересах дела представляется необходимым, чтобы редколлегия журнала «Знамя», не ограничиваясь отклонением рукописи, провела с Гроссманом острый политический разговор. Необходимо также, чтобы в этом разговоре приняли участие руководители писательских организаций тт. Соболев, Марков, Шипачев. Важно, чтобы сами писатели дали понять Гроссману, что любые попытки распространения рукописи встретят неприимное отношение к этому литературной общественности и самое суровое осуждение.

Прошу согласия высказать такую рекомендацию тт. Кожевникову, Соболеву, Маркову, Шипачеву.

Зав. Отделом культуры ЦК КПСС

Д. ПОЛИКАРПОВ.

9 декабря 1960 г.

На документе пометы: «Тов. Поликарпов Д. А. Тов. Суслеву М. А. доложено. Возвращенный мет. В. Воронцов. 9.XII.60».

Секретно

ЦК КПСС

30 декабря 1960 года в Союзе писателей СССР состоялась беседа с писателем Василием Гроссманом относительно его романа «Жизнь и судьба». В беседе, кроме меня, участвовали Председатель Правления Московского отделения Союза писателей С. П. Шипачев и секретарь Правления Союза писателей РСФСР С. В. Сартаков.

Будучи единодушными в оценке нового произведения В. Гроссмана как враждебного нашему социалистическому строю и антипатриотического по своей концепции, мы высказали автору свои взгляды открыто и ничего не смягчая. Особенно было подчеркнuto, что если рукопись «Жизнь и судьба» к несчастью станет добычей зарубежных реакционных кругов, то они немедленно поднимут ее на щит в борьбе против нашей Родины.

В. Гроссман внимательно и с удивительной выдержкой слушал наши суждения. В ответ он высказался в таком духе:

— Я отдаю отчет в серьезности вашей оценки моего нового романа. Но мне приходят на память бурные обсуждения мо-

его предыдущего романа «За правое дело». Тогда тоже многие склонны были называть меня изменником, однако опыт жизни доказал, что мои взгляды были близки к истине. Ведь и теперь я писал о том, что было в жизни...

Коснувшись нашей тревоги относительно возможности проникновения его рукописи за границу, В. Гроссман сказал, что он живет довольно уединенно и почти ни с кем не общается. «Копенчю, факты отклонения рукописи редколлегией журнала «Знамя» не скроешь, это ведь быстро распознается, тем более что «Знамя» начисто отклонило рукопись, не выдвинув никаких конструктивных предложений». — объяснил Гроссман...

В результате встреч с В. Гроссманом у нас сложилось впечатление, что его идейно-художественная катастрофа не вызвала в нем потрясений и не побудила пока активного желания выйти быстрее из происшедшей с ним беды.

Секретарь Правления Союза писателей СССР

Г. МАРКОВ.

2 января 1961 г.

К записке приложены отзывы членов редколлегии журнала «Знамя» Б. Сучкова, Л. Скородина, А. Кривичного, Б. Галанова и В. Панкова о рукописи романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба», подготовленные ими в декабре 1960 г. Отзывы резко отрицательные. Так, Л. Скородина считает «ошибочной и вредной» всю концепцию произведения, так как «положительный идеал», выдвигаемый романтизмом, по ее мнению, ничтожен — «гуманистическая», «добрая» демократия без «начальства, без руководства, без какой-либо партийности и т. д.». А. Кривичному «приходит на ум сравнение с романом Б. Пастернака «Доктор Живаго». «Если идти в этом сравнении до конца, — пишет автор, — то, пожалуй, «Доктор Живаго» — просто воюющая фитолянка рядом с тем вредоносным действием, которое произвел бы роман В. Гроссмана».

Секретно

ЦК КПСС

1 марта 1961 года в Отделе культуры состоялся разговор с писателем В. Гроссманом по его просьбе, в котором принимали участие работники Отдела Поликарпов, Петров, Михайлов.

В ходе этого разговора В. Гроссман сказал, что просьба о встрече вызвана чрезвычайно тяжелыми событиями в его жизни, связанными с его книгой «Жизнь и судьба». Он заявил, что писал роман около десяти лет, писал, как ему кажется, правду своей души, своих мыслей, своих страданий и что от этой правды не отступал. При этом Гроссман заметил, что, когда он сдал рукопись романа в редакцию журнала «Знамя»,

он не тешил себя надеждой, что роман пойдет легко, не вызовет замечаний, возражений, а предполагал возможность правок, доработки, а затем принятия к опубликованию. Но рукопись была отвергнута целиком.

На вопрос о том, что он в данное время думает о содержании своего сочинения, как его оценивает, Гроссман ответил, что, по его мнению, эта книга нужна нашему читателю. Литература должна жить только правдой, какой бы тяжелой она ни была, сказал он. Лакрировка к добру не приводит. Возникают такие фигуры, как Ларионов. Книга эта, добавил он, продиктована любовью к людям, к их страданиям, верой в людей...

На замечание о том, что его дальнейшая судьба, как писателя, будет зависеть от него самого, от его гражданской, общественной позиции, Гроссман ответил, что в большом и трагическом труде он исчерпал свою боль, что эта тема уйдет и, вероятно, ушла от него, что жизнь теперь богата другими событиями. Но в то же время Гроссман добавил, что он не отрезается от того, что написал, что это было бы нечестно, неискренне после того, как к нему применили репрессии. Ссылаясь на Блока, который говорил, что у писателей не бывает карьеры, а бывает судьба, он сказал, что такова, видимо, его судьба...

Гроссману было сказано, что рукопись его является антисоветской по содержанию, чтение ее вызывает чувство гнева и возмущения, что ее опубликование могло бы нанести большой ущерб советскому государству. Меры, примененные в отношении рукописи, необходимы в целях защиты интересов государства, а все, что с ним произошло, должно заставить его глубоко задуматься о своей позиции и дать ей честную, беспощадную оценку с позиций советского человека.

Гроссман... напомнил о той суровой критике, которой в 1952 году был подвергнут его роман «За правое дело», заметив при этом, что А. Фадеев будто бы до конца своих дней мучился от того, что тогда критиковал эту книгу, а А. Первенцев, назвавший его диверсантом, потом публично отказался от своих слов.

Это напоминание Гроссман сделал после замечания о том, что мнение о рукописи «Жизнь и судьба», высказанное различными людьми, совпало, что это тоже должно автора заставить задуматься.